

К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ FOR THE 75th ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.071
УДК 94(470)“1941/1945” + 159.942.5 +
+ 82-94 + 359.11(470.1/2)

Е. Г. Постникова

А. Е. Любецкий

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
Магнитогорск, Россия*

СТРАХИ ПОДВОДНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (по материалам дневника матроса Северного флота Г. И. Сенникова)

Цель статьи — историко-антропологическое исследование феномена страха, способов его выражения и преодоления в условиях войны. Материалом для исследования послужили фронтовые и послевоенные дневниковые записи 1943–1946 гг. матроса-подводника Северного флота, штурманского электрика «М-107» и «М-119» Георгия Ивановича Сенникова. Авторами статьи были использованы методы источниковедческого и мифопоэтического анализа, биографический метод. В военном дневнике Г. И. Сенникова прослеживается аналитический подход к проблеме страха: не просто фиксация и подробное описание физических признаков ужаса, но и классификация видов страха, исследование разных аспектов страхов человека на войне, попытка проникнуть в сущность этого явления. Исследование показало, что война воспринималась юным подводником как смертельно опасное посвящение, как инициация «у последнего порога» и описывалась с помощью архетипических образов корабля-чудовища, лодки-гроба, моря и др. Молодой человек, попавший в экстремальные условия войны, выделяет как характерные черты психологии комбатантов-подводников матросский фатализм, своеобразную бытовую религиозность, суеверность (веру в приметы, сны, «меченые» пространства и людей, обереги и систему табу). В качестве эффективного средства борьбы со страхом во фронтовом дневнике Г. И. Сенникова отмечаются не только элементы бытовой религиозности и ритуализации действий, традиционные для флота, но и творчество, смех, и, самое главное, личностные ценности, авторитет командиров и убеждение в том, что советские подводники воюют за правое дело, на стороне сил добра, освобождая мир от ужаса фашизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая Отечественная война; страх; инициация; человек на войне; военные дневники; Северный флот; Г. И. Сенников

Ц и т и р о в а н и е: *Постникова Е. Г., Любецкий А. Е.* Страхи подводников Великой Отечественной войны (по материалам дневника матроса Северного флота Г. И. Сенникова). DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.071 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 190–207.

Поступила в редакцию: 25.07.2019

Принята к печати: 28.09.2020

Yekaterina G. Postnikova

Artyom E. Lyubetsky

*Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russia*

FEARS OF SUBMARINE SAILORS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (with Reference to the Battlefield Diaries of Georgy I. Sennikov)

The purpose of this article is a historical and anthropological examination of the phenomenon of fear, the methods of its manifestation and overcoming in the shadow of war. The authors refer to battlefield and postwar diaries from 1943–1946 of G. I. Sennikov, a submarine sailor of the Northern Fleet, marine electrician of “M-107” and “M-119”. The authors use methods of historiographical and mythopoetic analysis, and the biographic method. In Sennikov’s battlefield diary, the authors observe the sailor’s analytical approach to the problem of fear: his story is not just a documentation and detailed description of the physical signs of horror, but also a classification of the types of fear, exploration of different aspects of a person’s fear at war, and an attempt to get an insight into the essence of this phenomenon. The research reveals that the young sailor perceived the war as a death-defying admission and initiation at the ultimate threshold and is described with the help of archetypical figures: a monster ship, a coffin boat, the sea, etc. The young man who found himself in the extremely harsh wartime conditions identifies such characteristic features of a submarine sailor’s psychology as sailor fatalism, a certain superstitious religiousness (belief in signs, dreams, “marked” spaces and taboos, amulets, and taboo systems). In his diaries, G. I. Sennikov does not only identify superstitious religiousness and ritual activities as the most efficient weapon against fear, but also creativity, laughter, games, and, most significantly, personal values, the authority of commanding officers, and conviction that Soviet submarine sailors fight for the right cause, on the side of the good, saving the world from the horrors of fascism.

Key words: Great Patriotic War; fear; mythological backgrounds; initiation; man at war; battlefield diaries; Northern Fleet; G. I. Sennikov

For citation: Postnikova, Ye. G., & Lyubetsky, A. E. (2020). Strakhi podvodnikov Velikoi Otechestvennoi voiny (po materialam dnevnika matrosa Severnogo flota

G. I. Sennikova) [Fears of Submarine Sailors during the Great Patriotic War (with Reference to the Battlefield Diaries of Georgy I. Sennikov)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 190–207. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.071

Submitted: 25.07.2019

Accepted: 28.09.2020

В современной гуманитарной науке военно-антропологические исследования и исследования психологии человека, оказавшегося в экстремальных условиях, находятся на пике популярности. Одной из пограничных ситуаций, в которой человек оказывался перед лицом смерти, была война. Как отмечает Е. С. Сениявская, «война формирует особый тип личности, особый тип психологии, который можно определить как психологию комбатанта» [Сениявская, с. 10]. В исследовании поведения и сознания человека на войне одной из ключевых проблем является тема страха и способов его преодоления. Неслучайно историю эмоций вообще и страха в частности сегодня изучают не только военные психологи, но и историки, антропологи, филологи, философы и культурологи [Плампер, 2018; Семиотика страха]. Так, Я. Плампер, анализируя военную мемуарную литературу и эго-документы людей, побывавших в бою, поставил важный вопрос о рефлексии и обсуждении солдатами своих страхов [Плампер, 2010]. К проблеме выстраивания «эмоционального режима» в специфическом социальном пространстве подводной лодки обращается Е. Емельянцева, уделившая особое внимание чувству страха и его отражению в фольклоре и произведениях подводников 1960–1980-х гг. [Емельянцева]. Опираясь на методологические наработки военно-антропологических исследований, мы обратимся к проблеме эмоциональных переживаний подводников Великой Отечественной войны, тем более что данная тема не получила освещения в научной литературе.

Ставя перед собой задачу проанализировать переживание комбатантами чувства страха и отношение к нему, мы обратились к дневникам участника Великой Отечественной войны, матроса-подводника Северного флота (1942 — май 1944 г.), штурманского электрика малых подводных лодок «М-107» и «М-119» Георгия Ивановича Сенникова (1923 г. р.). Три неопубликованные тетради его дневников, принадлежащие семье Сенниковых, в сканированном варианте хранятся в ЛНК НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г. И. Носова [Архив ЛНК, д. 1, 2, 3]. Дневники Сенникова представляют собой три тетради формата А5, пожелтевшие страницы которых исписаны мелким убористым почерком. Первая тетрадь (см. рис. 1) охватывает события войны на Севере (Мурманск, Полярное — Северный флот) с августа 1943 г. по май 1944 г. (214 с.) и содержит описание боев, гибели и побед подводных лодок, очерковые зарисовки сослуживцев и командиров. Вторая тетрадь описывает события в Крыму (Черноморский флот) с сентября 1944 г. по август 1945 г. (158 с.), третья тетрадь составлена в Балаклаве с октября 1945 г. по май 1946 г. (157 с.). В этих тетрадях, кроме личных записей, содержатся выписки из книг,

фотографии, стихи, рисунки и акварели. Отметим, что в дневнике штурманского электрика дана не официальная версия событий, а восприятие событий Великой Отечественной войны рядовым матросом.

Георгий Иванович попал на флот почти мальчишкой в июле 1941 г., а мобилизовался уже зрелым мужчиной в феврале 1947 г. Процесс становления личности молодого краснофлотца прошел в экстремальных условиях войны, что отразилось на его портретных фотографиях 1941–1942 и 1945–1946 гг. (см. рис. 2–4). Свой военный дневник Георгий Иванович начал вести только с августа 1943 г. Это можно объяснить по-разному. Возможно, началу ведения дневника, не поощряемому в условиях войны высшим командованием, каким-то образом поспособствовала отмена института замполитов на базе подводных лодок Северного флота летом 1943 г. [Хеорхе, с. 116]. Скорее всего, к этому времени партийная бдительность несколько ослабла, и у военнослужащих появилась возможность вести записи, не опасаясь последствий. С другой стороны, такой внезапный интерес (позыв) к ведению дневника можно рассматривать как прорыв инициального «молчания» в условиях войны, ставшей для юноши смертельно опасным посвящением. Молодого моряка словно «прорвало», и в дневнике он нашел способ «выговориться», чтобы найти себя, найти способы преодоления страха смерти.

В тексте фронтового дневника Г. И. Сенникова явно присутствуют темы войны как инициации «у последнего порога» и грозной смерти как посвящения в таинство. Острое и опасное переживание инициации на войне описывается автором как состояние между жизнью и смертью, сопровождающееся ощущением абсурдности, бредовости, непонимания, где он находится. Это проявляется уже на первых страницах дневника, когда Георгий становится свидетелем вражеской бомбежки:

Что это было? Если это бред, как уверяет меня сестра, то какая сила снесла на нет правое крыло госпиталя, которое еще дымится. Если это действительно немецкая бомба, то, значит, эта страшная ночь — факт, и я действительно таскал снаряды к зенитным орудиям, стоящим на горе за госпиталем. Я ничего не понимаю. Или я схожу с ума? (здесь и далее в цитатах из дневника курсив наш. — Е. П., А. Л.) [Архив ЛНК, д. 1, с. 5].

Лиминальный характер самоощущения подводника в боевом походе четко передается в другой записи: «Каждый из нас чувствует себя *оторванным от всего живого. Лодка как отдельный мирок в безвоздушном пространстве*» [Там же, с. 67].

Постоянный страх смерти, преследующий юного подводника, передается с помощью архетипических образов и сопровождается мистическим инициальным подсознательным страхом быть поглощенным животным: «Сегодня я пишу тебе письмо, а завтра, может быть, буду *перевариваться в желудке какой-нибудь рыбы*» [Там же, с. 6]. Порой подводная лодка воспринимается как гроб. Ассоциации с гробом много раз встречаются в дневнике: «Где-то там, в мрачной зеленой глубине, покоятся тела наших товарищей. Может быть, вот сейчас,

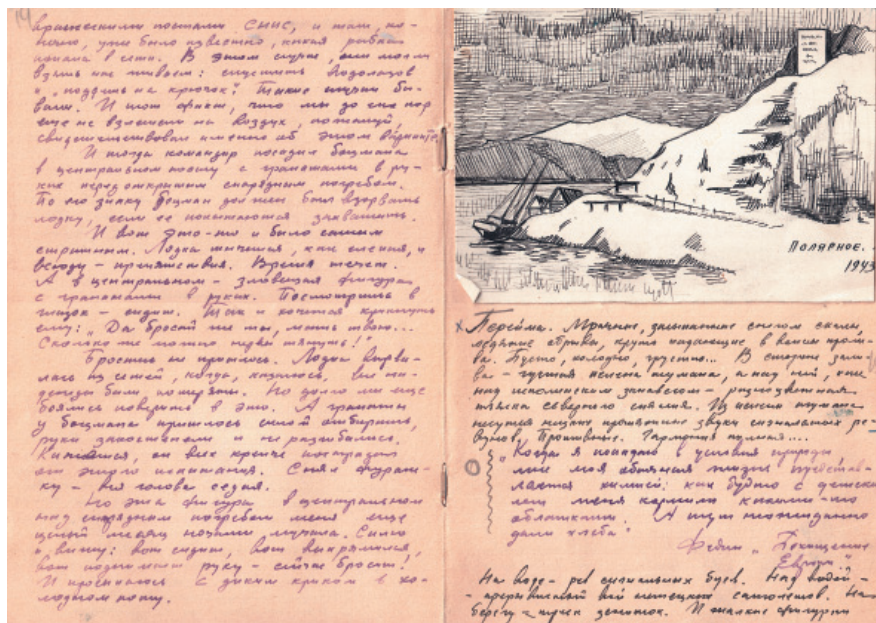

Рис. 1. Страницы из фронтового дневника Г. И. Сенникова. 1943–1944

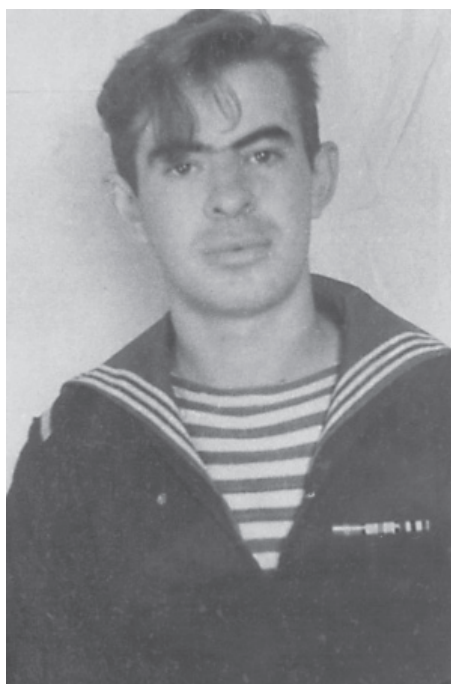

Рис. 2. Отряд подводного плавания Тихоокеанского флота. 1941. Второй слева — Г. И. Сенников, крайний справа — А. П. Елфимов

Рис. 3. Черноморский флот, экипаж подводной лодки «М-119». 1944.
Внизу крайний справа — Г. И. Сенников

Рис. 4. Георгий Сенников,
штурманский электрик ПЛ «М-119». 1945

в эту минуту, *мы проходим над их стальным, холодным гробом*» [Архив ЛНК, д. 1, с. 52]. Аналогичные ассоциации возникли у автора дневника и после гибели лодки «М-108» в феврале 1944 г.:

Гибель «восьмерки» никак не уходит из памяти. В кубрике стоят их *пустые койки, как открытые гробы*, валяются вещи, лежат непрочитанные книги. На стене висит расписание вахты, все знакомые имена. Вот койка Кости Каптанова¹. До сих пор ночами мне чудится его фигура под одеялом, как бывало в действительности еще так недавно. Где-то они сейчас? И никто не знает, в каком уголке необъятного Ледовитого океана, на какой глубине покоятся их тела, навеки замурованные в *стальной гроб* [Там же, с. 97].

Еще ярче образ корабля как огромного, древнего мистического чудища представлен в следующей записи:

Мы стоим в Оленьей Губе у громадного транспорта норвежской постройки, который временно служит базой. Эта посуда производит мрачное впечатление, может быть, своей *древностью*, может быть, невероятной *столетней* грязью, которая постепенно собиралась из всех уголков земного шара. Особенно *страшно выглядят матросские кубрики* — низкие помещения *у самого днища корабля*, с двухъярусными деревянными *койками-гробами*. Там вечный мрак, т. к. крошечные иллюминаторы почти не пропускают свет [Там же, с. 34].

Автор дневника передает свое эмоциональное состояние, используя мифологические категории и образы. Инициация выступает в роли мифоонтологической категории, с помощью которой молодой человек осмысляет и передает действительность войны. Счастливое возвращение из боевого похода описывается им как возвращение с того света: «5 марта 1944 года. 04 утра. Швартуемся к пирсу в Екатерининской гавани. *Чувствую себя заново родившимся или вернувшимся с того света*» [Там же, с. 77].

«Рожденный заново», прочувствовавший «мистику» инициации на войне Г. И. Сенников философски подходит к теме страха. В его военном дневнике мы встречаем классификацию видов и аффектов страха:

Говорят, самое страшное — это подвергнуться смертельной опасности. Понятно: кому же хочется умирать? Но ведь и опасности бывают разные. Одно, когда человек сидит во время бомбежки на крыше и гадает: попадет в него бомба или нет? <...> Другое — когда тот же человек идет в атаку. <...> Третье — сидишь в отсеке и слышишь грохот глубинных бомб: пронесет или не пронесет? Четвертое — форсировать минное поле... [Там же, с. 13].

Автором дневника дано подробное описание физических признаков того ужаса, который переживает человек в условиях войны и первого боевого «крещения»: «шевелились волосы на моей голове», «холодный пот на спине и в сжатых кистях рук», «непрерывная противная дрожь» в ногах [Там же, с. 158];

¹ Каптанов Константин Павлович (1920 г. р.), трюмный машинист «М-108».

«Чувствуешь себя так, будто в сильный мороз неожиданно оказался на улице совершенно обнаженным. Обнаженность, полнейшая обнаженность, больше ничего» [Архив ЛНК, д. 1, с. 169].

В дневнике Г. И. Сенникова указаны и аспекты страха одного конкретного человека. Чего больше всего боится юный подводник? Один из навязчивых страхов, преследующий молодого матроса, — это страх страха, страх показаться трусом, испугаться, подвести в бою. Как отмечают исследователи, «признание естественности страха позволяет элиминировать один из самых распространенных страхов на войне — страх струсить на поле боя и подвести боевых товарищей, т. е. “страх перед страхом”» [Караяни А. Г., Караяни Ю. М., с. 105]. Собственный страх юный подводник исследует, подключая к нему оппозицию трусость — храбрость. Описывая свои впечатления от первого боя, он отмечает, что почти весь первый год на фронте мучился «от мысли, что я... *жалкий трус, ягненок, возомнивший себя волком*. <...> Я целый год, испытывая адские нравственные муки, ломал голову над вопросом: *трус я или не трус!*» [Архив ЛНК, д. 1, с. 157–158].

Особо стоит выделить преследующий подводника страх перед некрасивостью смерти. Эта тема пунктирно возникает в дневнике. Вот, например, в споре с воображаемым оппонентом автор дневника утверждает:

Поверь мне: какой бы героической смерть ни была, она никогда не бывает красивой. В итоге всего *остается скользкий, насквозь промокший, черный труп*, который, кстати сказать, я сегодня видел. Труп человека, с которым мы всего неделю назад ходили на шлюпке, орали песни и играли в снежки на Большом Оленьем [Там же, с. 44].

У мальчишки, вдруг оказавшегося на войне, столкнувшегося с насилием, кровью и несправедливостью, появляется страх перед внутренней природой человека, перед результатами своей деятельности. Его ужасает «дело рук своих». В дневнике есть описание того, что видят подводники на поверхности моря после удачной атаки: «Жуткое зрелище. <...> Странное и страшное ощущение: смотришь на *дело рук твоих, тленно такое дело*, за которым — зарево огня и сотни трупов. Такова война...» [Там же, с. 174].

Доминантной темой в эго-документах военных лет звучит страх забвения. Краснофлотца ужасает мысль, что он исчезнет из этого мира без следа. «Все люди боятся смерти. <...> *А чего боится человек? Что страшит его?* Или сам процесс умирания, физическая боль, или то, что ты перестанешь существовать? Мысль о том, что *ты никогда уже больше не будешь* — пожалуй, страшнее» (подчеркнуто автором дневника — Г. И. Сенниковым) [Там же, с. 38]. Как отмечает О. С. Фролова, «зачастую человек боится не самой смерти, а забвения. В течение отведенного ему “земного времени” он отчаянно ищет людей, которые стали бы свидетелями его жизни, он стремится “продолжиться” в детях, *в рукописях*, в результатах своей деятельности» [Фролова, с. 21]. Рукописный дневник для Георгия Ивановича — это в какой-то степени его способ борьбы со страхом смерти и забвением.

Человека со смертью мог примирить ритуал похорон, а в случае героической смерти за Родину — ритуал почетных похорон со всеми установленными воинскими церемониями. Такая практика подчеркивает ценность смерти на войне, придает ей особый смысл и статус. Отсутствие ритуала похорон или его десакрализация, профанация воспринимается в матросской среде как кощунство, антиритуал, лишаящий смерть смысла (исключение делается только для погибших в море, в море и похороненных). В дневнике Георгия Ивановича есть потрясающая по своей эмоциональности запись, в которой он сопоставляет почтительное отношение к трупам погибших героев союзников по западной антигитлеровской коалиции и пренебрежительное отношение к телам погибших моряков советского командования.

Возвращаясь к событиям декабря 1943 г. — января 1944 г., Г. И. Сенников вспоминает историю потопления 26 декабря 1943 г. немецкого линкора «Scharnhorst» английским линкором «Duke of York», на борту которого в тот момент находился адмирал Брюс Фрезер, командующий Флотом Метрополии. Больше всего в этой истории его поразила даже не победа над немцами, а сакральность ритуала похорон, принятого в ВМС США и Англии. В дневнике появляется такая запись:

Когда после потопления «Шарнхорста» союзная эскадра зашла в Кольский залив, *флаги почти всех кораблей были приспущены в знак траура*. Потом целый день на берег свозили трупы погибших моряков. <...>. *Они все были в гробах, и каждый гроб был накрыт национальным флагом*. На причале весь день слышались скорбные звуки оркестра. Потом их всех погрузили на транспорт и *увезли на родину* [Архив ЛНК, д. 1, с. 176].

Этому благоговейному отношению к погибшим противопоставляется история с советским эсминцем. К сожалению, автор дневника не указывает название эсминца. Можно предположить, что имеется в виду эсmineц «Стремительный» СФ, который стоял на якоре на рейде Полярного и погиб в результате авианалета 20 июля 1941 г. Потери личного состава оказались очень тяжелыми: погиб 121 человек, в том числе 109 членов экипажа. В 1942 г. эсmineц по частям подняли на поверхность и отбуксировали в Мурманск. В дневнике читаем:

А вот другая картина. Подняли со дна Екатерининской гавани наш эсmineц. Он погиб в прошлом году от бомбы немецкого самолета. Эсmineц привели в док в Росту. МЫ (идиоты) побывали на нем. Все кубрики, особенно носовые, были забиты трупами наших матросов. Эсmineц погиб в тот момент, когда на нем шел концерт каких-то артистов и весь экипаж находился внизу. *Наши похороны выглядели примерно так: привезли несколько громадных ящиков, собрали крючьями то, что осталось от моряков, свалили в эти ящики, облили их известью и увезли*. Вот и все. И это на глазах всех нас, которым, может быть, завтра предстоит то же самое. Почему так? Ведь это же хуже всякого варварства! *Какдохлых кошек в общий ящик и на свалку* [Там же].

Отсутствие прощального ритуала обесценивало смерть, как и жизнь. Антиритуал, проведенный на глазах матросов, которым завтра идти в бой,

только усиливал страх. С обидой юный подводник замечал: «Машку хоронили с бóльшим почетом. Оно и понятно. Ее хоронили друзья» [Архив ЛНК, д. 1, с. 176]. Поясним, что Машка — это крыса, животное-талисман одной из подводных лодок класса «Малютка», историю которой мы встречаем на страницах фронтового дневника.

Ритуал похорон в архаической культуре имел еще одну важнейшую функцию: он служил своеобразным оберегом от покойников. Именно страх перед встречей с мертвыми обеспечивал устойчивость и неукоснительность соблюдения похоронного ритуала. Находясь в «пограничной ситуации», балансируя на грани жизни и смерти, матросы-подводники в экстремальных условиях войны нередко начинали «общаться» с представителями «иного мира», что особенно проявлялось в сновидениях. В дневнике Сенникова описаны два таких сна. В одном из них к нему приходит покойник — погибший друг — и зовет с собой. Этот сон, с точки зрения юного матроса, предрекал ему неминуемую гибель. Во фронтовой тетради читаем:

Мне приснился сон, самый страшный, какой можно придумать. <...> Мне снилось, что я сижу с книгой в руках на своем обычном месте в нашем кубрике. Вдруг открывается дверь и входит... Василий Иванович², мой друг, погибший на «восьмерке». Я не верю своим глазам, но он радостно бросается ко мне, и мы долгое время сжимаем друг друга в объятьях. Радость — неопишная. Но Василий Иванович скоро уходит, обещая вернуться. И просыпаясь с тем же радостным чувством, я еще слышу его слова: «Мы с тобой скоро увидимся! Скоро увидимся!». Одеваясь, я продолжаю мысленно прислушиваться к этим звучащим во мне словам. И вдруг, как молния, меня пронзает мысль: Скоро увидимся! Но где же я могу увидеться с человеком, который *покоится где-то на дне океана?* Очевидно, *там же... на дне!* И это сон перед выходом в море [Там же, с. 98–99].

В другом сне в роли главного героя, олицетворяющего смерть, выступает фашистский корабль «Tirpitz» — страх подводников Северного флота: «Идиотский сон. Море. Синий силуэт “Тирпица”. Мы должны торпедировать его, но при этом *погибнуть сами*. А погибать — неохота. Самое же смешное (как во всяком сне) то, что происходит это в... Омске» [Там же, с. 61]. Этот «вещий» сон, с точки зрения сновидца, тоже предвещает ему неминуемую гибель.

Своеобразный матросский фатализм в дневнике Георгия Ивановича выражается в такой записи: «Подводная лодка — это корабль, на котором сколько ни плавай, *все равно к черту утонешь*. Так говорят шутя. Так думают серьезно» [Там же, с. 39].

В качестве еще одной специфичной черты психологии краснофлотцев Г. И. Сенников называет суеверность матросской среды:

² Князев Василий Иванович (1913 г. р.), старшина группы электриков, погибший на «М-108» в феврале 1944 г.

Я, может быть, не придавал бы этому случаю никакого внимания, если бы *среда моряков*, в которой я вращаюсь уже четвертый год, не была бы *до дьявола суеверной*. Это, очевидно, тоже своеобразная традиция. Невольно и сам начинаешь придавать значение всяким пустякам, видя, как это делают большие серьезные люди [Архив ЛНК, д. 1, с. 98].

Еще раз к теме матросских суеверий Г. И. Сенников вернулся уже после войны в повести «Мы — подводники», опубликованной в «Уральском следопыте» в 1968 г.:

А с суевериями у нас явно неладно. <...>. Но когда люди живут в обстановке постоянной опасности, когда каждый день несет с собой чью-то гибель, поневоле начинаешь придавать значение всяким случайностям, выискивать какие-то тайные связи между этими случайностями, видеть в них определенную закономерность. Смешно? Не смешно [Сенников, 1968, с. 20].

Исследователями не раз отмечалось, что война активизирует стихийное религиозное сознание, но «в атеистическом обществе религиозность гораздо чаще проявляется уже в “языческих” формах <...> При этом именно бытовые суеверия становятся преобладающей формой бытового религиозного сознания» [Сенявская, с. 71].

В дневнике Георгия Ивановича такие проявления «языческого» религиозного сознания можно увидеть в вере подводников в «дурные приметы». Кроме уже отмеченных нами снов с появлением покойников, обещающих сновидцу скорую встречу, нужно выделить флотские приметы, связанные с переходом командира на другую лодку или внезапным вынужденным участием матроса в боевом походе на другой лодке, что среди моряков тоже трактовалось как знак, предвещающий несчастье. Сенников описывает два таких случая. Первый связан с историей гибели «М-172», командиром которой в период с июля 1941 г. по июнь 1943 г. был легендарный подводник Израиль Ильич Фисанович. Лодка совершила 20 боевых походов и погибла в первых числах октября 1943 г. под командованием другого командира. В дневнике читаем:

Не вернулась лодка Фисановича. Это страшный удар, страшный потому, что эта лодка была олицетворением мужества, находчивости, непобедимости, если хотите. <...> Лодка возвращалась из таких переделок невредимой, что старые моряки только руками разводили. Погибли знаменитые Шумихин, старпом Бутов и другие, еще вчера — живые носители легенды. Сегодня о них говорят уже в прошедшем времени. И, вероятно, поэтому легенда неудержимо растет. *Все на бригаде считают причиной гибели лодки смену командиров*. Фисанович, получив героя, перешел к нам комдивом на горьковские малютки. На лодку пришел другой командир, и лодка погибла в первом же походе. *Самое страшное то, что они, экипаж, чувствовали свою гибель*. Я был в числе провожающих и помню, как тот же Шумихин³, пьяный в дымину,

³ Шумихин Анатолий Васильевич (1919 г. р.), гвардии старшина 1 статьи, командир отделения акустиков, погиб на «М-172». Сам же И. И. Фисанович погиб в августе 1944 г.

бушевал на пирсе перед походом. Когда его пытались утихомирить, он закричал: «Подите вы все к...! А нам — все равно погибать!». Но каково Фисановичу? [Архив ЛНК, д. 1, с. 43].

Командир для краснофлотцев — душа лодки, голова экипажа. Смена командира — к гибели лодки. Страх перед сменой руководства еще раз появляется в дневнике в мае 1944 г., когда командира «М-119» капитан-лейтенанта К. М. Колосова перевели на ПЛ «С-51»: «Наш батя скоро переходит к ним командиром. Для нашего экипажа — это острый нож. <...> Ребята грустят. Еще так свежа в памяти гибель лодки Фисановича, происшедшей, как считают, *из-за смены командира*» [Там же, с. 108]. Страх погибнуть на чужой лодке как характерное матросское суеверие видим в такой записи: «Совершенно неожиданно я получил приказ перейти на “М-С”. <...> Только В. Ш., наш ворон-вещун, под конец испортил мне настроение, напомнив мне о судьбе нашего моториста П., *погибшего на чужой лодке*» [Там же, с. 119].

Большинство матросских суеверий, «плохих примет» и табуированных действий было связано с фатальной уверенностью в неминуемой гибели и попыткой как-то уберечься от смерти с помощью системы запретов и оберегов. Одним из способов борьбы со страхом смерти стал механизм опредмечивания страха, его локализации в конкретном персонаже, предмете или явлении и отстранения от него (его устранения). Так у матросов появляются «меченый» человек и «меченое» пространство как носители смерти, от которых можно «заразиться». В дневнике Сенникова читаем:

Мишка Олейник — штурманский <...>. За этим веселым разухабистым пареньком установилась довольно *мрачная слава. Командиры лодок боятся его как огня.* <...> Знаменит тем, что *все корабли, с которых его изгоняли, неизменно погибали после его ухода.* Очевидно, простое совпадение. Но... [Там же, с. 147];

И разве не по той же самой причине *пустел громадный кубрик малютчиков,* хотя комнаты рядом набиты битком? На дверях его красуется надпись: «*Мясорубка*». Почему? Да потому, что матросы уверены: *экипажи всех погибших «малюток» уходили в море именно из этого кубрика.* Последней была восьмерка. Их батя плюнул на традиции и суеверия и поселил своих матросов именно в этом кубрике. И они не вернулись! Какая-то чертовщина [Там же, с. 148].

В данном случае страх смерти персонифицируется, опредмечивается и переносится на конкретный объект, а затем следует его устранение, отстраненность от него как самозащита. На базе подводных лодок установили негласную систему табу: подводники не селились в кубрике «Мясорубка» («меченое» пространство), старались не смотреть на фото погибших (страх «сглаза покойников»), не общались с «меченым» человеком. Матросы как будто «поселили» свой страх в этот кубрик и отгородились от него. Для них дверь с надписью «Мясорубка» — это рубеж иномирия. Упрек Георгия в адрес командования, не всегда чувствующего матросскую среду, звучит в следующей записи:

Месяц тому назад не вернулась из похода «М-174». <...> Идиот — начальник клуба бригады уже вставил их портреты в раму под стекло вокруг силуэта подводной лодки, перевитой траурными лентами. И кто только додумался до этого. Одно дело — чтить память погибших. Но не таким же образом! Висят эти рамы по стенам, *как немые предрекатели*: смотрите, мол, на нас и помните, что вы тоже скоро займете место на этой же стенке! *Смотришь — и невольно коленки трясутся!* Особенно этот *стальной гроб*, перевитый лентами, на нервы действует [Архив ЛНК, д. 1, с. 27].

В противовес всему этому на флоте появлялись «счастливые» вещи и талисманы, выполнявшие функции оберегов. Например, известна вера матросов Северного флота в магическую силу шапки-ушанки Н. А. Лунина — знаменитого подводника, командира ПЛ «Щ-421», ПЛ «К-21» и 1-го дивизиона ПЛ СФ (декабрь 1943 г. — март 1944 г.): «Выходя в боевые походы, Лунин обязательно надевал ее на голову и не снимал до возвращения в базу. <...> Сама же ушанка получила уважительное именование — «шапка-невидимка». Как бы то ни было, но именно «К-21» оказалась единственной североморской «катюшей», дожившей до конца войны» [Шигин, с. 134]. Георгий Иванович отмечал феномен популярных среди моряков талисманов, «заговоренных», «счастливых» вещей:

Иначе как объяснить тот факт, что у каждого матроса есть своя «счастливая» вещь, без которой он не уходит в море? У Пашки Шаталова⁴, например, таким талисманом служит... роба — холщовая «голландка», которая настолько пропиталась соляром и маслом, что кажется сделанной из жести. Пашка ее упорно не стирает и всегда надевает, отправляясь в очередной поход, — как кольцу от вражеских стрел [Сенников, 1968, с. 20].

В роли талисмана удачи для подводников могло выступать и животное. В частности, в дневнике Георгия Ивановича описана история крысы Машки — талисмана одной из «малюток», без которой моряки не ходили в боевые походы:

Машка — это не женщина. Даже не кошка. Это — крыса. Большая серая крыса с длинным хвостом. Но крыса знаменитая. <...> Она участвовала во всех боевых походах лодки и в торпедировании вражеских кораблей. Знала, что такое глубинные бомбы и пробовала на вкус соленую воду. Удивительно, то ли это по определенной традиции, то ли в силу привычки, но весь экипаж, когда Машка находилась на борту, чувствовал себя много увереннее и спокойнее. <...>. Случалось, что Машка запаздывала, и тогда задерживался выход в море [Архив ЛНК, д. 1, с. 166].

Отдельно Сенников отмечает, как трагично воспринял экипаж нелепую гибель крысы-талисмана:

Надо было видеть, какое горе переживал весь экипаж лодки, с каким чувством они хоронили маленький обугленный трупик. Ее зарыли в видяевском сквере, и штурман выстрелил при этом из пистолета — салют на могиле боевого товарища. Радист рассказывал потом, как кисло они чувствовали себя в следующем походе. Как будто

⁴ Шаталов Павел Васильевич (1920 г. р.), ст. краснофлотец, ст. электрик «М-119».

лишились чего-то бесконечно дорогого, какого-то *символа веры*. Да это так и было [Архив ЛНК, д. 1, с. 167].

Появление крысы в дневнике моряка не случайно. С образом крысы у моряков связаны не только «дурные приметы» (крысы бегут с корабля — к гибели). Крыса могла символизировать душу матроса: «Как и мышь, крыса имеет негативное значение, но иногда может быть животным, которое обозначает душу человека» [ЭСКПМ, с. 277]. В дневнике Сенникова есть запись, в которой он идентифицирует себя с гибнущей в морской воде крысой. В рассказе о крысе, как и в часто появляющемся на страницах дневника образе чайки, угадываются рудименты тотемических представлений. Уже после войны Георгий Иванович опубликовал в журнале «Уральский следопыт» рассказ «Машка» [Сенников, 1970]. К сожалению, этот рассказ имеет мало общего с историей из дневника. Дневниковый сюжет подвергся кардинальной переработке и из мистического и загадочного превратился в типичный рассказ в духе соцреализма.

И, конечно, наше исследование матросских страхов и суеверий было бы неполным, если бы мы не сказали о вере подводников в привидения. В своем дневнике Георгий Иванович дважды обращался к этой теме. Он пишет:

Разве не это явилось причиной роспуска экипажа пятнадцатой? В одном из походов у них в море смыло волной рулевого и штурмана. Не знаю, зачем уж их понесло на корму лодки, кажется, что-то с антенной случилось. А потом до конца похода их *каждую ночь неизменно видели, шаги же слышали на корме*, откуда их смыло. И не один, и не два человека видели, а весь экипаж. Что это? Неужели... у всех сразу до такой степени сдали нервы? [Архив ЛНК, д. 1, с. 148].

К сожалению, не удалось установить, о какой именно лодке идет речь. Возможно, имеются в виду «Щ-115» или «М-115» Тихоокеанского флота. Эту историю юный подводник мог слышать, учась в школе подводного плавания во Владивостоке. Второй раз подобная история возникла уже в крымском дневнике 1945–1946 гг. Автор упоминает о таком случае лишь вскользь: «В 4-м отсеке я читаю вслух книжонку из жизни немецких подводников. Самое сильное впечатление на всех производит история с призраком. Все мы были свидетелями подобной истории на Севере. “Л-20”» [Архив ЛНК, д. 2, с. 66]. Экипаж «Л-20» погиб на чужой лодке вместе со своим командиром И. И. Фисановичем. Связана ли эта история с «призраком», упомянутым в дневнике Г. И. Сенникова, не известно.

Подводники выработали эффективные способы борьбы со страхом. О смехе как универсальном способе преодоления страха Георгий Иванович говорил в дневнике часто. Смеяться над своими страхами он научился у командиров подводных лодок «М-107» Н. И. Павлицкого и «Щ-402» А. М. Каутского в 1942 г., которые, рассказывая друг другу о впечатлениях от первого боя и пережитом ими страхе, хохотали в голос: «это описание сопровождалось самым откровенным хохотом и трактовалось как нечто неизбежное, которое переживает каждый человек, впервые соприкоснувшийся с прелестями войны» [Там же, с. 161].

Автор дневника указывал, что именно этот рассказ двух командиров освободил его душу от сомнений и даже спас его от возможного самоубийства. На важную роль смеха и юмора в боевых буднях подводников Георгий Иванович указывал в своем дневнике неоднократно:

Я много раз замечал уже, что, как бы ни было трудно вчера, сегодня все стараются вспоминать из этого только комические детали [Архив ЛНК, д. 1, с. 144];

Мы ржали по-лошадиному. *Травля матросская!* Даже когда кажется, что выхода нет, тьма кругом и к горлу подступает зеленая тоска — достаточно одному рассказать какой-нибудь смешной случай — и пошло, потекли истории самые необычайные, самые фантастические или смешные до колик, могущие случиться только с моряками — полудетьми и полузверьми в одно и то же время [Там же, с. 59].

Фронтные тетради Сенникова являются кладезем матросского юмора, благодаря чему чтение их оставляет очень светлое впечатление, несмотря на трагичность описываемых автором событий. Юмор, как заметила Е. Емельянцева, всегда играет важную роль в поведенческих нормах подводников [Емельянцева, с. 493].

Универсальным способом борьбы со страхами было творчество. Страх побуждает к действиям и творчеству, чтобы попытаться изменить ситуацию, найти новые смыслы своей жизни [Фролова, с. 9]. На фронте Георгий Иванович не только писал, но и много рисовал, не расставаясь с этюдником. Об этом говорят многочисленные карандашные, акварельные рисунки в дневниках и дневниковые записи: «Перед походом свои вещи, *фотографии, рисунки* я тщательно укладываю и передаю Сашке⁵» [Архив ЛНК, д. 1, с. 47]; «Сашка чистит брюки бензином и ругается. Он только что с легким сердцем сел в *мой этюдник с красками*. А как ругался! Целая поэма!» [Архив ЛНК, д. 2, с. 139]. Близкие по духу творческие люди старались держаться на фронте вместе.

В марте 1944 г. в дневнике Сенникова появляется такая запись: «На двадцатку приехала команда с Тихого океана. И кого же я встретил, черт возьми! — Димку Сивкова⁶. <...> Димка — друг Николая. Они вместе учились в Саратовском художественном училище. Парень серьезный, но раз *художник — значит с богатышей душой*» [Архив ЛНК, д. 1, с. 111]. Творчество в боевых буднях юных друзей-подводников выполняло терапевтическую функцию, избавляя их от мучительных страхов, позволяя спасти «человека в себе» от разрушения, деградации личности. Ведение дневника, рисование, как и чтение на войне, служило действенным средством вытеснения тягостных переживаний, избавления от страха смерти.

⁵ Елфимов Александр Прокопьевич (1921 г. р.), рулевой «М-107», выпускник Омского художественного училища им. Врубеля. Член Союза художников с 1962 г., один из первых профессиональных художников в Новокузнецке. Посвятил ряд работ подводникам Северного флота. Лучший друг Г. И. Сенникова.

⁶ Сивков Дмитрий Георгиевич, ст. краснофлотец, ходивший на подводных лодках «Л-19» и «Л-20». После войны работал в Комбинате монументального и декоративного искусства при Художественном фонде РСФСР (Московское отделение Союза художников). Друг Г. И. Сенникова.

Самое главное, что способствовало эффективной борьбе со страхами — это уверенность в том, что русские подводники воюют за «правое дело», за свою землю, за свой народ. Эта убежденность помогала бойцам объяснить себе жестокость войны. Так, например, в апреле 1944 г. в дневнике появилась такая запись: «Вернулась пятерка выстрелом. Грохнули транспорт <...> На море, даже здесь, все было усеяно трупами. Но *кто объявил тотальную? Хотели тотальную? Получайте!..*» [Архив ЛНК, д. 1, с. 147]. Речь идет о событии 18 апреля у мыса Маккау, когда «М-105» («Челябинский комсомолец») атаковала крупный немецкий транспорт. Из стабилизирующих факторов, позволяющих с достоинством пережить ужасы войны и результативно бороться с врагом, стоит отметить безоговорочный авторитет командиров. Георгий Иванович пишет о командирах с большим уважением и даже любовью, называя их не иначе как «батя» (о командире ПЛ «М-119» К. М. Колосове) и «обербатя» (о командире бригады ПЛ СФ И. А. Колышкине). *«Голос командира!* Он единственный источник, из которого мы продолжаем черпать силы» [Там же, с. 136]. Матрос-подводник прекрасно понимал уникальность своего поколения, ценность «матросского братства» и величие того подвига, который оно совершило в годы войны: «Слов нет, но великое дело, которое свершили мы в этой войне, не укладывается ни в какие рамки, и в этом отношении наши русские моряки совершенно новые, невиданные доселе люди. Они оставили далеко позади героев “Варяга”, Цусимы и Корфу» [Архив ЛНК, д. 2, с. 27].

Итак, война для легендарного поколения советских выпускников 1941 г., мальчишек 1923 г. р. и младше, стала смертельно опасным посвящением, своего рода инициацией «у последнего порога». Юноша, вырванный из привычной среды и впервые увидевший смерть, под влиянием страха неожиданно для самого себя мог начать мыслить мифологическими категориями и воспроизводить мифологические образы. Молодой человек, попавший в экстремальные условия войны, проникался своеобразной бытовой религиозностью и суеверностью матросской среды: верой в «вещие сны» и привидения, в «дурные приметы» и «счастливые вещи», «меченых» людей и «меченое» пространство, талисманы, обереги, систему табу как традиционные способы «уберечься» от смерти, «не заразиться» ею. Во фронтовом дневнике Г. И. Сенникова мы наблюдаем и философский подход к теме страха с классификацией его видов и подробным описанием его физических проявлений. Эго-документы показывают, что подводники выработали эффективные способы борьбы со страхом. Кроме применения средств бытовой религиозности и ритуальных действий, традиционных для флота, способом борьбы со страхами стали творчество и смех, которые позволяли снизить уровень внутреннего напряжения и освободиться от тягостных эмоций. Авторитет командиров и убежденность в том, что советские подводники воюют за правое дело, освобождая мир от ужаса фашизма, еще больше помогали укрепить веру и прибавить сил защитникам в борьбе с врагом.

Источники

Архив ЛНК — Архив лаборатории народной культуры. Фронтовые записи Г. И. Сенникова. Рукописный фонд 42. Д. 1, 2, 3.

Сенников Г. И. Мы — подводники // Уральский следопыт. 1968. Февраль. № 2. URL: <https://www.uralstalker.com/uarch/us/1968/02/43/> (дата обращения: 01.05.2019).

Сенников Г. И. Машка // Уральский следопыт. 1970. Октябрь. № 10. С. 41–45. URL: <https://www.uralstalker.com/pdf/us/1970/10/7010-mashka/index.html> (дата обращения: 01.05.2019).

Шигин В. В. Призрак на палубе. М. : Вече, 2017.

Исследования

Емельянцева Е. Лаборатории «биороботов»: техника и эмоции на атомной подводной лодке (1960–1980-е годы) // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций : сб. ст. / под ред.: Я. Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 480–501.

Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Страх на войне: деструктивный фактор или психологический ресурс // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 1. С. 100–114.

Плампер Я. Страх: солдаты и эмоции в истории военной психологии начала XX века // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций : сб. ст. / под ред.: Я. Плампер, Ш. Шахадат, М. Эли. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 401–431.

Плампер Я. История эмоций. М. : Новое литературное обозрение, 2018.

Семиотика страха : сб. ст. / сост. Н. Букс и Ф. Конт. М. : Европа, 2005.

Сенявская Е. С. Человек на войне: Историко-психологические очерки. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997.

Фролова О. С. Феномен страха в культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01. Ростов н/Д, 2006.

Хеорхе И. И. Деятельность командования по укреплению морального духа подводников Северного флота в годы Великой Отечественной войны // Вестник Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 2. С. 111–121.

ЭСКИМ — Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии / авт.-сост. А. А. Кононенко. Харьков : Фолио, 2013.

References

Buhks, N., & Conte, F. (Comps.). (2005). *Semiotika strakha: sbornik statei* [Semiotics of Fear: A Collection of Articles]. Moscow: Europe.

Emelyantseva, E. (2010). Laboratoriya "biorobotov": tekhnika i emotsii na atomnoi podvodnoi lodke [A Laboratory of "Biobots": The Equipment and Emotions on Board a Nuclear-Powered Submarine]. In J. Plamper, S. Schahadat, & M. Eli (Eds.), *Rossiiskaia imperiia chuvstv. Podkhody k kulturnoi istorii emotsii* [The Russian Empire of Feelings. Approaches to the Cultural History of Emotions] (pp. 480–501). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Frolova, O. S. (2006). *Fenomen strakha v kulture* [The Phenomenon of Fear in Culture] (doctoral dissertation abstract). Rostov-on-Don.

Karayani, A. G., & Karayani, Yu. M. (2015). Strakh na voine: destruktivnyi faktor ili psikhologicheskii resurs [Fear at War: Destructive Factor or Psychological Resource]. *Russian Psychological Journal*, 12(1), 100–114.

Kheorkhe, I. I. (2012). Deiatel'nost' komandovaniia po ukrepleniiu moral'nogo dukha podvodnikov Severnogo flota v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [The Activity of Commanding Officers Aimed at Strengthening the Morale of Submarine Sailors of the Northern Fleet during the Great Patriotic War]. *Vestnik Leningradskogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 4(2), 111–121.

Kononenko, A. A. (2013). Entsiklopediia slavianskoi kul'tury, pis'mennosti i mifologii [Encyclopaedia of Slavic Culture, Writing System, and Mythology]. Kharkiv: Folio.

Plamper, J. (2010). Strakh: soldaty i emotsii v istorii voennoi psikhologii [Soldiers and Emotions in the History of War Psychology]. In J. Plamper, S. Schahadat, & M. Eli (Eds.), *Rossiiskaia imperiia chuvstv. Podkhody k kulturnoi istorii emotsii* [The Russian Empire of Feelings. Approaches to the Cultural History of Emotions] (pp. 401–431). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Plamper, J. (2018). *Istoriia emotsii* [The History of Emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Senyavskaya, E. S. (1997). *Chelovek na voine: Istoriko-psikhologicheskie ocherki* [A Man at War: Historical and Psychological Essays]. Moscow: Institute of the Russian History RAS.

Постникова Екатерина Георгиевна

доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник НИИ
исторической антропологии и филологии
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 26
E-mail: ekaterinapost@mail.ru

Любецкий Артем Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Магнитогорск, пр. Ленина, 26
E-mail: artyoml@list.ru

Postnikova, Yekaterina Georgievna

Dr. Hab. (Philology), Associate Professor,
Leading Researcher
Research Institute of Historical Anthropology
and Philology
Nosov Magnitogorsk State Technical
University
26, Lenin Ave., 455000 Magnitogorsk, Russia
Email: ekaterinapost@mail.ru

Lyubetsky, Artyom Evgenyevich

PhD (History), Associate Professor
Department of World History
Nosov Magnitogorsk State Technical
University
26, Lenin Ave., 455000 Magnitogorsk, Russia
Email: artyoml@list.ru